

УДК 343

«Вирус политиканства» в российской уголовно-правовой системе**Сидоров Б.В.**

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Дается системный анализ Общей и Особенной частей УК РФ с позиции уголовной политики, проводимой действующей российской властью, авторская оценка тем изменениям (три пакета либерализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства), которые были внесены в УК и УПК РФ в порядке гуманизации ответственности и наказания, прежде всего за экономические преступления, делается анализ и дается критика этих законодательных новелл; обстоятельной критике подвергаются изменения, внесенные в порядке противодействия коррупции и экстремизму.

Ключевые слова: уголовная политика, ответственность, наказание, уголовное законодательство, экономические преступления, конфискация имущества, коррупция, взяточничество, экстремизм (экстремистская деятельность), расовый, национальный, религиозный экстремизм, категории преступлений, терроризм и др.

Продолжение. Начало в журнале ВЭПС, № 1, 2012 г. – С. 225-232.

***Если мы не вменим в закон поступать праведно,
Если мы приравняем безнаказанность к справедливости,
То каких только дел мы каждодневно не станем творить.***

Монтень

Федеральным законом № 97 – ФЗ от 4 мая 2011 г. в санкции измененных ст.ст. 204, 290 и 291, а также вновь введенной в УК ст. 291-1 («посредничество во взяточничестве») внесены существенные изменения, призванные, со слов руководителей страны и ведущих политиков правящей партии, усилить меры противодействия коррупции. Эти изменения и дополнения в уголовный закон существенно дополнили коррупционную составляющую в систему мер уголовно-правового противодействия коррупции. Она заключается в том, что:

1. Суду предоставляется выбор между такими видами основных наказаний, как кратный по отношению к сумме взятки *штраф* (как отмечалось, *самый мягкий вид наказания*) и *лишение свободы* (наоборот, *самый строгий вид наказания*). Коррупционер, надо полагать, не без удовольствия выберет штраф;

2. Санкции статей, предусматривающих ответственность за взяточничество (ст.ст. 290, 291, 291.1 УК РФ), в действующей редакции дают широкий

простор для судебного усмотрения даже при назначении такого вида наказания, как лишение свободы:

- от двух месяцев до трех лет (ч. 1 ст. 290 УК);
- от двух месяцев (квалифицированный вид преступления!) до шести лет (ч. 2 ст. 290 УК);
- от трех до семи лет (ч. 3 ст. 290 УК);
- от пяти до десяти лет (ч. 4 ст. 290 УК);
- от семи до двенадцати лет (ч. 5 ст. 290 УК);
- от восьми до пятнадцати лет (ч. 6 ст. 290 УК).

При выборе судом наказания за получение взятки в виде штрафа или лишения свободы либо даже в виде лишения свободы, когда между максимальным и минимальным пределами этого наказания санкции различных частей ст. 290 УК РФ предусматривают такие коррупционно значимые интервалы как: 2 г. 10 мес. (ч. 1); 5 лет 10 мес. (ч. 2); 4 г. (ч. 3); 5 лет (ч.ч. 4 и 5); 7 лет (ч. 6) – судье-коррупционеру, действующему в интересах взяточников, не следует опасаться подозрения в получении взятки, смело назначая подсудимым наказание либо в виде штрафа,

либо в виде лишения свободы ближе к минимальным срокам, указанным законодателем. «Даже если свято верить в кристальную честность и неподкупность судейского корпуса, само наличие столь невероятно широких границ усмотрения при назначении наказания, – справедливо замечает А.Кибальник, – недопустимо именно по причине нарушения принципа равенства...» [1, с. 23], которое «уже само по себе нарушает принцип справедливости» [1, с. 24].

Принцип *справедливости*, по нашему убеждению, должен быть признан законодателем *основным принципом («надпринципом»)* в уголовном праве, от которого зависит содержание других принципов уголовной ответственности, их определение в уголовном законе, соотношение с принципом справедливости и роль в системе норм и институтов уголовного права. К сожалению, в действующем УК РФ принцип справедливости не рассматривается как основополагающий, т.е. играющий ключевую роль при решении вопросов уголовной ответственности и наказания за совершение преступлений. Он указывается как рядовой принцип уголовной ответственности наряду с такими принципами, как принцип законности, вины и гуманизма.

Принципы, определенные и сформулированные в уголовном законе (ст.ст. 3-7 УК РФ), представляют собой систему, имеющую определенную структуру, иерархию, взаимосвязь между составляющими ее элементами или частями (отдельными принципами), которые в соответствующей взаимосвязи и взаимозависимости элементов или частей (принципов) составляют некое «единство множества», т.е. жизнеспособную систему¹. Подозреваю, что и сюда проник «вирус политиканства», который позволил нечистоплотным политикам «размыть» в уголовном праве центральный вопрос ответственности: ответственность и наказание должны быть *справедливыми* по закону и по совести; соразмерными характеру и степени общественной опасности совершенного преступления; должны определяться только виновному в их совершении лицу; соответствовать степени его вины в содеянном; гуманность при решении вопросов ответственности и мере наказания допустима лишь в тех пределах, которые оставляют это решение в рамках справедливости, и распространяется не только на лиц, совершивших преступление, но и должна исходить, прежде всего, из интересов их жертв. Во всем остальном все граждане должны быть равны перед законом и судом.

Уголовный закон и предусмотренная им ответственность понятны людям и признаются (или не признаются) ими как необходимые именно потому, что они соответствуют их представлениям о спра-

ведливости, долге и нравственности, о нормах человеческих взаимоотношений.

Стремление индивида к свободе должно быть сбалансировано и уравновешено с ответственностью личности перед обществом и государством. Запрещая или одобряя соответствующие деяния, закон приучает тем самым индивида к «истинному повиновению», создает возможность для перехода от ограниченной, относительно свободной единичной воли («формальная свобода») к истинно свободной всеобщей воле («позитивная свобода»), открывающей простор для свободного, творческого и ответственного поведения личности в рамках объективно обусловленных общественных отношений. Принуждение, применяемое к человеку за совершение противоправного поступка, «является справедливым, если к нему прибегают, чтобы добиться признания отдельным человеком... Свобода бывает вообще там, где господствует закон, а не произвол отдельного человека» [3, с. 38]. Снятие или отпадение единичности, отдельности человека, его зависимости от «чувственных склонностей и желаний», «отчуждение несущественного произвола» есть, по мнению Гегеля, «момент истинного повиновения» [3, с. 31, 89], «посредством которого самосознание совершает переход к тому, чтобы быть всеобщей волей, совершает переход к позитивной свободе» [3, с. 89].

Понимая право как «нечто необходимое», «позитивная свобода» переводит это понимание в личное убеждение, позволяющее человеку осуществлять внутренний контроль за своими намерениями и поступками, связанными с использованием своих прав и исполнением обязанностей перед другими людьми, обществом и государством. Общественные обязанности Гегель понимал как «правовые обязанности, которые нужно соединить со стремлением поступать справедливо ради справедливости» [3, с. 70-71].

Свобода подразумевает ответственность за то, что человек говорит и делает. Чем поведение свободнее, тем оно, с позиции истинно свободной воли, необходимее и ответственнее. Подлинно ответственным является социально-полезное поведение – критерий эффективности юридической, в том числе уголовной ответственности, в процессе ее реализации. Речь идет о добродетельных деяниях и поступках, которые, по Гегелю, соответствуют «необходимым человеческим отношениям», служат добру, то есть «разумному в них» [3, с. 30]. Зло он рассматривал как «то, что умышленно направлено на разрушение такого отношения. Дурное же – это когда свои обязанности нарушают, уступая какому-нибудь побуждению чувственности из любви к кому-нибудь» [3].

Таким образом, Гегель подразделял позитивное поведение на доброе и добродетельное, а негативное – на злые и дурные акты поведения, дифференцируя в зависимости от этого, соответственно, позитивную и негативную ответственность, степень

¹ «Система» – «определенный порядок в расположении п. связи действий; нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей» [2, с. 719].

заслуг или вины в содеянном, меру соответствующего поощрения или наказания.

Зло Платон рассматривал как несправедливость, а добро – как справедливость. Он писал: «Несправедливость – такое зло, что скорее следует избегать самому совершать несправедливые поступки, чем подвергаться несправедливости; первое присуще порочному человеку, а второе – всего лишь слабому. Конечно, постыдно и то, и другое, но совершать несправедливое настолько же хуже, насколько и позорнее» [4, с. 431]. Платон считал, что «преступнику лучше быть наказанным» [4, с. 470].

Цицерон определял как несправедливое, хотя и менее выраженное, не только противозаконие, но и деяние тех, кто, имея к тому возможность, не отводит последнее от его жертв, попустительствует ему, отказывает его жертвам в посильной помощи [5, с. 180].

Нравственно-этическая оценка содеянного обществом и государством (внешне, объективная оценка), а также самим субъектом поведения (собственная, субъективная оценка) есть философское основание и предпосылка социальной и юридической ответственности человека за свое социально-значимое поведение. Эта оценка начинается с сознания того, что есть добро, а что есть зло, что такое хорошо, что такое плохо. Далее оценивается сам поступок, поскольку необходимо понимание того, справедлив он или несправедлив, является он хорошим или дурным [3, с. 32].

Справедливым в своем акте поведения может быть только тот, кто не только был способен правильно понять и правильно оценить свои и чужие поступки, но и действовать в соответствии с этим пониманием, следуя правильным законам.

По определению Платона, справедливость заключает в себе две функции или способности: 1) распределительную – «способность, уделяющую каждому свое по достоинству»; 2) уравнивающую – представляющую собой «равенство в общежитии» и «способность повиноваться правильным законам» [4, с. 428].

Справедливость ставит перед личностью и обществом задачу укреплять нравственные законы, которые должны лежать в основе юридических законов, внося в них и в законопослушное поведение граждан элементы истинной свободы и нравственности.

О тесной связи свободы и нравственности писали мудрецы разных эпох и поколений, начиная с древнейших времен существования человечества. Когда спросили, например, древнегреческого мудреца Переандра Коринфского: «Что такое свобода?» – тот лаконично ответил: «Чистая совесть» [5, с. 13].

С разрушением СССР и перестройкой мышления россиян в идеологии и политике руководителей «новой» России и ряда других политических деятелей проявились шараханья и крайности в вопросе о свободе, на какое-то время возобладали представления о ней, как об абсолютной независимости индивида от общества, его нравственных правил и

требований, выраженных в законах, доходящих до провозглашения суверенитета личности, тяготеющего к анархии, нравственному и правовому беспределу. Эти проявления были связаны с возросшей безответственностью многих граждан, снижением роли нравственных начал в жизни российского общества, активности людей в борьбе с проявлениями безнравственности и преступлениями, с ослаблением правовых гарантий правомерного социально полезного поведения, в том числе при защите правоохраняемых интересов личности, общества и государства, а также с существенным уменьшением вероятности наступления негативной юридической ответственности за противоправное поведение.

Добрые нравы и нравственные законы лежат в основе справедливой оценки поведения людей, которая, в свою очередь, должна быть заложена в законах, предусматривающих ответственность за противоправное поведение. Еще мудрец Древней Эллады Пифагор из Самоса призывал: «Народы! Старайтесь прежде иметь добрые нравы, нежели законы: нравы суть самые первые законы» [5, с. 43].

Справедливость – своеобразный эталон соразмерности, соответствия уголовно-правовых норм и применяемых на их основе мер ответственности и наказания нормам нравственности и общественным интересам. Справедливость помогает людям – гражданам и представителям властных структур не отступать от своих обязанностей, нравственного и служебного долга, не злоупотреблять своими правами и полномочиями, исходя из «правильных законов», правильно оценивать свои и чужие поступки и деяния, «уделяя каждому свое по достоинству». Таким образом, функции (способности) справедливости, прежде всего, распределительная, проявляются изначально в общей социальной и нравственно-правовой оценке соответствующего социально-значимого акта поведения как: доблестного; иного добродетельного; не лишённого доброты (хорошего) социально и нравственно нейтрального («неупречного»); безнравственного, но не общественно опасного («дурного или упречного»); злого и порочного (общественно опасного и противоправного). Если преступление есть зло, то совершение его при извинительных («затруднительных», «исключительных») *обстоятельствах есть «дурное»*; неоказание помощи, когда жертва находится в опасном для жизни состоянии и *нуждается в неотложной помощи, а лицо имеет возможность оказать такую помощь либо оно само поставило ее* в такое опасное состояние, а также *укрывательство* преступления или преступника, несообщение о готовящемся преступлении или иное прикосновенное к преступлению либо *определённой* преступной деятельности, вмешательство *либо, наоборот*, невмешательство, есть недоброе и упречное.

Такой подход к социальной оценке негативного, с позиции доброй нравственности, поведения лю-

дей позволяет справедливо определить юридическую природу каждого вида социально-значимого поведения и составить логически последовательную «лестницу» ответственности за их совершение, дефинированной по характеру и степени их «нравственной погрешимости». Именно справедливость составляет основание и пределы ответственности за безнравственное поведение, которое, в идеале, содержит или должно содержать в себе любое преступное деяние. Она имеет свою объективную (внешнюю) и субъективную (социально-психологическую) стороны. Оценка государством, обществом, другими людьми противоправного (подразумевается и безнравственного) акта поведения или деятельности человека должна быть справедливой, то есть к оценке подобного поступка каждого необходимо подходить с равной меркой, и отмерять каждому «свое по достоинству», то есть по характеру и степени общественной опасности деяния (объективный аспект) и степени вины лица в содеянном (субъективный аспект). Как раз субъективный аспект справедливости в ст. 6 УК РФ даже не упоминается. Лишь в ч. 1 ст. 5 УК РФ в общей форме характеризуется сущность субъективного вменения в следующие редакции: «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина».

«Справедливость, – писал К.Ф. Рылеев, – должна быть основанием и действий, и самих желаний наших» [6, с. 206]. Если этого нет, если человек порочный, если он живет не по совести, ему не свойственно избегать несправедливости и вредных обществу поступков. К таким лицам надлежит применять силу, внешнее принуждение со стороны государства и общества, которое должно быть справедливым, исходя из указанных объективного и субъективного критериев. «Если сила соединится со справедливостью, то что может быть сильнее этого союза?» – утвердительно вопросом заключал Эсхил [6]. По убеждению Б. Паскаля, «справедливость должна быть сильной, а сила должна быть справедливой» [6, с. 209].

При этом следует учитывать и субъективные особенности виновного лица, прежде всего субъективную опасность человека, совершившего общественно опасное деяние, его социальные и нравственные характеристики, которые обнаруживаются в социально значимых проступках, в поведении человека. Как отмечает Л. Фейербах, «настоящие свойства человека обнаруживаются лишь тогда, когда наступает время проявить, доказать их на дела» [6, с. 20]. Чем более сознательное, продуманное и желательное безнравственное социально значимое поведение лица, его совершившего, тем более наглядно и отчетливо (при прочих равных условиях) в нем проявляется общественная опасность и субъективная опасность личности этого человека. Если не учи-

тывать субъективный аспект справедливости ответственности, то последнее, как и наказание, утратит свое предупредительное значение и позитивное воздействие на личность и последующее поведение преступника (правонарушителя) и на других граждан.

Истинно утверждение мудреца Древней Эллады Менандра о том, что «нравственные качества справедливого человека вполне заменяют законы» [6, с. 206]. Верно и то, что безнравственные качества, соответственно, несправедливого человека нуждаются в контроле и корректировке «правильными» (справедливыми) законами, которые следует также «правильно» (справедливо) использовать и применять в отношении каждого порочного (несправедливого) поступка такого человека, чтобы пробудить в нем угрызение совести. К. Гельвеций был прав, когда утверждал, что «угрызения совести начинаются там, где кончается безнаказанность» [6, с. 202]. Именно совесть, по словам Цицерона, «дает одинаково чувствовать, отнимая у невинного всякую боязнь и беспрестанно рисуя воображению виновника все заслуженные им наказания» [6, с. 204]. Если «виновник» не чувствует угрызения совести, не стыдится своего поступка, то только «заслуженное им наказание», т.е. справедливое, а не деформированная либерализацией и гуманизацией мера уголовно-правового принуждения способно оказать предупредительное воздействие как на «виновника», так и на других лиц. Бесстыдство «виновника» и его безнаказанность и (или) снисходительное отношение правоохранительных структур к совершенному им преступлению стимулируют повторение преступлений и формируют личность рецидивиста.

В связи с этим едва ли следует признать удачным исключение законодателем из Общей части УК РФ такого вида множественности преступлений, как *неоднократность* (ст. 16 УК), и таких отягчающих ответственность обстоятельств (квалифицирующих признаков преступлений), как *специальная неоднократность и специальный рецидив преступлений*, Федеральным законом от 8.12.2001 г. № 162-ФЗ. «Вирус политиканства» проник и в эту сферу уголовно-правового регулирования, опекая рецидивистов, преступников-профессионалов и других опасных преступников, дополняя атмосферу социальной несправедливости в российском обществе дурманом правового беспредела и безнаказанности.

Справедливость наших суждений и поступков всецело зависит от совпадения нашего интереса с общественным интересом. Уголовная политика и практика ее осуществления, законотворческая деятельность представителей господствующего класса, где преобладает личный (частный) интерес, а общественный интерес лишь декларируется, не дает шансов для реализации принципа справедливости уголовной ответственности (ст. 6 УК РФ), восстановления социальной справедливости как цели нака-

зания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) и назначения *справедливого наказания* (ст. 60 УК РФ). Если в УК РФ принцип справедливости указывается как *рядовой принцип уголовной ответственности*, не имеющий предпочтения перед другими принципами при решении вопросов уголовной ответственности и наказания, то в УПК РФ или, скажем, в Федеральном законе от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ *о справедливости* законодатель предпочитает даже не упоминать. Вместо этого в последнем нормативном правовом акте законодатель указывает принцип *неотвратимости* ответственности за коррупционные преступления (правонарушение) в явно пропагандистских целях, поскольку невозможность реализации этого принципа в сфере противодействия коррупции очевидна даже для неслыханно доверчивых российских граждан.

Несправедливость повсюду разлита в современном российском обществе. Она как несмыслимая «краска стыда» крепко прилипла к неправедно богатым, получившим большие или даже огромные состояния в результате мошеннической приватизации, коррупции, иных жульнических, корыстных или корыстно-насильственных преступлений.

Еще в Декларации ГА ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих организациях 1996 г. было указано, чтобы государства-члены «изучили возможность признания *незаконного обогащения государственных должностных лиц или избранных представителей преступлением*».

В ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 г., ратифицированной Россией без этой статьи, было предложено определить уголовно наказуемым незаконное обогащение в национальном уголовном законодательстве.

Учитывая эти рекомендации международного сообщества, автор обосновывает необходимость включения в УК РФ состава незаконного обогащения и формулирует проект уголовного закона об ответственности за данное преступление [7, с. 50-52; 8, с. 163-164].

Давно уже не секрет, что прослойка неправедно богатых и супербогатых (олигархов) сложилась в российском обществе в основном из чиновников, должностных лиц более высокого ранга «черных» бизнесменов – «удачливых» участников «залоговых аукционов», авантюристов и пройдох – мошенников различной «масти» и больших способностей. Этот «управляемый» процесс продолжается, внося оптимизм в ряды коррупционеров и жуликов. Логичным было бы не только привлечение таких лиц к уголовной ответственности за незаконное обогащение, но и применение к ним в качестве дополнительного наказания конфискации имущества, составляющего незаконное обогащение. Эти и некоторые другие меры противодействия дальнейшему развитию этого негативного процесса способны внести перелом в предупреждение и борьбу с организованной,

экономической и коррупционной преступностью. Предвыборная риторика высших руководителей страны и правящей партии, в какой-то мере признающих необходимость такой уголовной политики, пробуждает надежду и осторожный оптимизм в то, что указанное направление в российской уголовной политике, наконец-то, проявит себя в законодательской и предупредительной деятельности.

В свете изложенного вполне уместным, как отмечалось, выглядело бы возвращение в ст. 52 УК РФ конфискации имущества в качестве самостоятельного вида дополнительного наказания, назначаемого за коррупционные и иные тяжкие и особо тяжкие корыстные и корыстно-насильственные преступления [8, с. 164].

Важным элементом системы мер противодействия коррупции, коррупционных и имущественных преступлений, совершаемых должностными лицами, является предоставление *декларации о доходах и расходах*, которое должно стать обязательным для таких лиц под угрозой уголовной ответственности за *непредставление лицом декларации о доходах и расходах или предоставление декларации, содержащей заведомо ложную информацию о своих доходах и расходах*. Нами также конструируется проект уголовно-правовой нормы об ответственности за данное общественно опасное деяние [8].

Говоря высоким слогом и отражая *должное* положение вещей, следует подчеркнуть, что должностное лицо – это лицо, осуществляющее власть от имени народа и ему подотчетное. Чтобы быть «таким как нужно, подобающим», отвечающим своему высокому назначению, делающим «то, что нужно»² народу, такое лицо должно показать, доказать своим гражданам, что оно не «путает свой карман с общественным (государственным) карманом», сделать прозрачной, в этом отношении, свою жизнь, во всяком случае, сообщать народу о своих доходах и расходах.

Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. исключил уголовную ответственность за *недонесения о преступлении*. Ошибочность такого решения законодателя представляется очевидной. Это очевидная уступка криминальным элементам, успешно навязывающим свои нравы и свою субкультуру всему российскому обществу.

Недонесение – несправедливый, порочный поступок. Как негативное социально-нравственное явление, широко распространившееся в нашем обществе, оно непосредственно связано с преступностью, паразитирует на социальном невежестве и социальной пассивности населения. Российский законодатель неохотно прислушивается к призывам международного сообщества «поощрять и активизировать участие общин на всех этапах предупреждения правосудия и уголовного правосудия, уделяя всестороннее внима-

² «Должный» (книж.) – «такой, как нужно, подобающий; то, что нужно, следует» [2, с. 173].

ние защите прав человека» [9], если принимает решение об исключении уголовной ответственности за «несообщение официальным органам о готовящемся или совершенном преступлении» [2, с. 404].

Сообщение о преступлениях особенно тогда, когда они еще не совершены, а лишь планируются или совершаются, и их вредные последствия еще не наступили, является нравственным, общественно-полезным поступком, направленным на борьбу со злом, которое представляет преступность. Оно дает возможность предупредить преступное посягательство, о котором сообщается, не допустить наступления его опасных последствий, оказать необходимую помощь его жертве. Сообщение о готовящемся преступлении позволяет, если оно своевременно, предотвратить или пресечь преступление на ранней стадии (приготовления или неоконченного покушения), остановить процесс превращения потенциального преступника в реального. Как известно, согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ лица, совершающие приготовление к преступлению небольшой или средней тяжести, не подлежат уголовной ответственности.

Преступный мир стремится «отмыть» и «легализовать» не только деньги и иное имущество, добытое преступным путем, но и свои «идеи», правила поведения и взаимоотношений между людьми в обществе, которые он возвел в ранг «законов» и традиций. Например, одним из важнейших правил «воров в законе», а вслед за ними и всего «блатного мира» является *запрещение иметь какие-либо контакты с органами правопорядка*, исключая случаи привлечения «законника» или «блатного» к уголовной ответственности, а также *запрещение выступать в качестве свидетеля или потерпевшего*. Кто из «своих» не следует этим правилам и, оказавшись очевидцем преступления, сообщает правоохранительным органам об этом, безжалостно уничтожается или достаточно строго наказывается «авторитетами» или «законниками».

Недонесение выгодно преступным элементам, кровно заинтересованным в создании в обществе атмосферы безразличия или даже враждебности к правоохранительным органам и к тем членам общества, которые оказывают им посильную помощь, в том числе в форме сообщения о совершенном или готовящемся преступлении.

«Доносчик» («осведомитель») на воровском языке именуется «стукачем» или в более резких выражениях [10, с. 99], обнаруживающих крайнюю враждебность криминалитета к человеку, добросовестно исполняющему свой нравственный долг. При столь враждебном отношении преступного мира, «прохладном» отношении обычного человека («обывателя») и при таком неадекватном и несправедливом отношении отечественного законодателя, представляющего интересы и менталитет мира несправедливо богатых и криминализованных социальных групп населения, сообщение гражданина о преступлении

становиться мужественным, чуть ли не героическим поступком, а нередко и актом милосердия к жертвам предотвращенного преступного посягательства.

Очевидна и нелогичность позиции законодателя, решившего декриминализировать недонесение (несообщение) о преступлении.

Определяя в ст. 140 УК РФ преступность несообщения должностным лицом и неполного сообщения или сообщение гражданину ложной информации, непосредственно затрагивающей его права и законные интересы, законодатель исключил из УК РФ случаи несообщения гражданином соответствующему должностному лицу о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении, хотя им причиняется вполне реальный вред правам и законам интересам многих, интересам правосудия, ставятся в опасность основные блага людей – их жизнь и здоровье. Странная логика у такой уголовной политики: права гражданина на информацию – все, а его обязанности предоставлять информацию, необходимую государственным органам для борьбы с преступностью, – ничто.

Признавая далее в ст. 237 УК РФ преступлением сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей, законодатель не счел нужным признать таковым сокрытие информации об обстоятельствах, создающих такую же опасность в результате преступных посягательств.

Предусматривая уголовную ответственность за заведомо ложный донос (сообщение) о совершении преступления (ст. 306 УК РФ) и заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и исключая уголовную ответственность за несообщение о преступлении, законодатель тем самым косвенно признает, что сообщение о «мнимых преступлениях» является общественно опасным деянием, а несообщение о реальных преступлениях, которые во многих случаях еще можно предотвратить или пресечь, является малозначительным, не представляющим общественной опасности деянием. Алогичность и ошибочность такой позиции стратегов современной российской уголовной политики и ее реализации в отечественном уголовном законодательстве, на наш взгляд, вполне очевидны.

Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308 УК РФ) – деяние, которое, по существу нередко является разновидностью несообщения о преступлении в процессе уголовного судопроизводства. Даже учитывая то, что данная разновидность несообщения о преступлении проявляется как открытый вызов уголовному правосудию, его несправедливо было бы рассматривать как более опасное деяние, чем, скажем, несообщение о готовящемся или совершаемом преступлении, способствующее не только сокрытию преступления, но и доведению его до конца со всеми вытекающими из этого вредными последствиями.

С другой стороны, в целом ряде статей УК РФ сообщение о конкретном преступлении рассматри-

вается законодателем в качестве основания, исключая уголовную ответственность или освобождающего виновного от уголовной ответственности.

Так, согласно ч. 4 ст. 31 УК РФ «организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если эти лица *своевременным сообщением органам власти* предотвратили преступление исполнителем до конца».

Согласно примечанию к ст. 205 УК РФ «лицо, участвовавшее в подготовке акта терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно *своевременным предупреждением органов власти* способствовало предотвращению осуществления акта терроризма».

Положение, аналогичное последнему, содержится также в примечании к ст. 275 УК РФ («государственная измена»).

Примечания к ст.ст. 228 и 291 УК РФ одним из оснований освобождения от уголовной ответственности за указанные в этих статьях преступления признают активное содействие раскрытию преступления, сообщение о совершенном преступлении и иное сотрудничество с органами следствия и суда.

Следовательно, законодатель рассматривает *сообщение о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении* как важное средство в решении задач уголовного закона и уголовного правосудия. Однако, признавая необходимость и общественную полезность сообщения о преступлении, он не признает вполне очевидную общественную опасность несообщения о преступлении, необходимость противодействия ему, в том числе и мерами уголовно-правового воздействия.

Исходя из вышеизложенного, считал бы целесообразным установить уголовную ответственность за недонесение (несообщения) о достоверно известном готовящемся, совершаемом или совершенном тяжком и особо тяжком преступлении. Недонесение о тяжком или особо тяжком преступлении должно признаваться, как максимум, преступлением средней тяжести и предусматривать наказание, которое не превышало бы пяти лет лишения свободы. При этом за недонесение (несообщение) о готовящемся или совершаемом преступлении, когда можно еще предотвратить или пресечь его совершение, не допустить наступления, его серьезных последствий, следовало бы наказывать более строго, чем за недонесение (несообщение) о совершенном преступлении, когда вредные последствия при его совершении уже наступили.

Если обратиться к опыту зарубежных законодателей, то можно обнаружить примерно тот же подход к наказуемости недонесения о преступлении.

Так, согласно § 4 Свода законов США максимальное наказание за недонесение (несообщение) о совершенной фелонии может достигать трех лет тюремного заключения, а за недонесение (несообщение) об измене – семи лет тюремного заключения (§ 2382).

В соответствии с § 138 УК ФРГ в качестве максимального наказания за недонесение о планируемых преступных деяниях, отнесенных к различным категориям преступлений, в то время, когда еще можно предотвратить его совершение или наступление его последствий, предусматривается наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет (ч. 1 и 2), в остальных случаях – сроком до одного года лишения свободы (ч. 3).

Правда, зарубежный законодатель далеко не всегда может служить образцом для подражания отечественным «законникам», в том числе и по данной проблеме. Алогичной и непонятной выглядит, например, решение законодателей Швейцарии рассматривать в качестве преступного деяния *несообщение* о находке (ст. 332 УК Швейцарии) и не признавать таковым *недонесение (несообщение) о преступлении*.

Сейчас самой популярной и спорной в юридической науке, политике и правовой деятельности темой является, пожалуй, оценка экстремизма в российском уголовном праве и практическое решение данной проблемы в судебно-следственной практике. Не напрасно скептики утверждают, что проблема экстремизма в российском обществе имеет глубокие социально-экономические, политические, административно-управленческие, нравственно-этические и социально-психологические корни, поэтому ее решение уголовно-правовыми средствами невозможно и глубоко ошибочно. Особую остроту эта тема приобрела в связи с тем, что уголовные дела о преступлениях «*экстремистской*» направленности и характера нередко имеют целью преследование оппозиционных сил за конструктивную критику, пресечение политического плюрализма и свободного изложения мнений в средствах массовой информации, а также по той еще причине, что многие провокаторы и организаторы экстремистских выступлений, прежде всего из числа некоторых этнических групп мигрантов, «откупаются» и уходят от уголовной ответственности за свое преступное поведение, а спровоцированные ими местные жители и адепты³ других учений, взглядов и культур несут неадекватные содеянному наказания.

Для применения несовершенного антиэкстремистского законодательства следует опираться на соответствующие международно-правовые акты, памятуя о том, что уголовное законодательство, согласно ч. 2 ст. 1 УК РФ, «основывается на ... общепризнанных принципах и нормах международного права». Так, Декларация о свободе политической дискуссии в СМИ, в частности, подчеркивает: «... право на свободу выражения мнений и информации ... составляет одну из важнейших основ демократического общества и одно из главных условий его прогресса и развития личности, поэтому политические деятели, стремящиеся заручиться обще-

³ «Адепт» – «приверженец, последователь какого-н. учения» [2, с. 19].

ственным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ» [11].

Основываясь на этом, Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. указал, что критика в СМИ должностных лиц и профессиональных политиков либо политических организаций, идеологических или религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды, либо на уничтожение достоинства человека или группы лиц в смысле ст. 282 УК РФ (п. 7), если она не преследовала таких целей (п. 8).

Пленум Верховного Суда РФ не мог, конечно, исправить ряд промахов и ошибок антиэкстремистского законодательства, касающихся нравственной и правовой оценок экстремизма, отдельных недостатков, возникших при определении уголовной ответственности за экстремистскую деятельность и содействие такой деятельности.

В научной литературе достаточно распространенным является взгляд на экстремизм как на негативное социальное, нравственное и правовое явление.

Так, некоторые социологи оценивают экстремизм как явление, препятствующее модернизации российского общества [12, с. 9], подрывающее общественную безопасность, государственную целостность и международный авторитет страны, создающее реальную угрозу межнациональному и межконфессиональному миру [13, с. 17].

По мнению некоторых философов, экстремизм проявляется в антиобщественных взглядах и поступках, в противозаконных деяниях [14, с. 9, 46]; он является противоположностью позитивных социокультурных ценностей [15, с. 14], «всегда несет насилие и агрессию, отражает крайние состояния человеческого сознания» [16, с. 7, 12].

В исторической науке ряд ученых считают, что экстремизм нацелен на «утверждение господства одной нации или этноса» [17, с. 183], «смену политической системы и захват власти» [18, с. 317]. Он несет в себе «заряд агрессии, ненависти и злобы», «угрозу выживанию локального общества» [19, с. 14-15].

Такая позиция исходит из понимания всех форм экстремизма и его в целом как агрессивного [20, с. 16], социально-негативного [21, с. 15-16] и противоправного [22, с. 15, 27] явления, которое не может существовать вне связи с преступностью [23, с. 8, 30]. Он (экстремизм) – всегда негативное явление [24, с. 16], обобщающее название антидемократических сил [25], «негативный атрибут процесса человеческой жизнедеятельности» [26, с. 73], а также совокупность противоправных, насильственных или

призывающих к насильственным действиям деяний [27, с. 106] и т.п. Иными словами, подобный взгляд на экстремизм исключает возможность признания этого явления и понятия как позитивного или социально-нейтрального. Делается вывод, что «не существует и не может существовать так называемого позитивного экстремизма» [28, с. 16].

Анализ российского законодательства, прежде всего уголовного, показывает, что отечественные законодатели, которые обеспечивают реализацию уголовной политики, проводимой правящей партией, придерживаются негативного взгляда на экстремизм, рассматривая экстремистскую деятельность как такую преступным проявлением, требующим уголовно-правового противодействия для борьбы с ним. Так, согласно ст. 280 УК РФ уголовной ответственности подлежат даже публичные призывы к осуществлению *экстремистской деятельности*. В то же время в ст. 282.1 УК РФ законодатель указывает на ответственность за организацию преступного сообщества или организованной группы лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, а в ст. 282.2 УК РФ предусматривает ответственность за организацию деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после того, как в отношении их принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности. Тройной стандарт при оценке экстремизма в указанных случаях очевиден: если в первом случае (в ст. 280 УК) любая экстремистская деятельность подразумевается как негативная и общественно опасная, а во вторых (в ст. 282.1 УК) – опасным признается не сама по себе экстремистская деятельность, а лишь преступления экстремистской направленности, т.е. совершенные по мотивам, указанным пунктом «е» части первой ст. 63 УК РФ, то в третьем случае (в ст. 282.2 УК) – социально-негативный и противоправный характер экстремистской деятельности, а значит, и организация деятельности экстремистской организации, приобретают лишь в связи с запретом и ликвидацией последней судом после вступления его решения в законную силу. Противоречивость такой социально-правовой оценки исследуемого понятия в УК РФ должна быть устранена законодателем.

В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. законодатель изначально исходит из негативной оценки экстремизма и экстремистской деятельности. Это вытекает уже из названия этого Закона: «*О противодействии экстремистской деятельности*». Если такой деятельности надо противодействовать, – причем независимо от ее вида, сферы приложения, направленности, степени вредности и запрещенности законом, – то она сама по себе является правонарушающей или даже преступной.

Продолжение в следующем номере.

Литература:

1. Кибальник А. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства?» // Законность. – 2011. – № 9. – С. 23.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997. – 944 с.
3. Гегель. Работы разных лет. В 2-х т. Т.2. – 630 с..
4. Платон. Диалоги. М., 1986 – 607 с.
5. Философская афористика. М., 1996. – 576 с.
6. Энциклопедия мысли. Собрание афоризмов и изречений от древности до наших дней. Книга 1. СПб., 2000. – 592 с.
7. Сидоров Б.В., Киршин В.Г. Коррупция и противодействия коррупции: законодательное определение, критический анализ и вопросы совершенствования антикоррупционного законодательства. Казань, 2009. – С.50-52.
8. Сидоров Б.В., Балаев А.Ш. Взятничество как система и составная часть коррупции: понятие, социальная и уголовно-правовая характеристика, и вопросы совершенствования российского уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 2. – С. 157-165.
9. Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка. – Раздел С. – Статья 41. – Резолюция 36/1 А. – Приложение: Опубликовано Департаментом общественной информации ООН.
10. Словарь воровского языка. – Тюмень, 1991. – 170 с.
11. Declaration on freedom of political debate in the media. Принята 12.05.2004 г. на 872-м заседании Комитета министров на уровне постоянных представителей.
12. Русанова О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северокавказского региона): дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004. – 152 с.
13. Резникова А.В. Структурные и динамические характеристики современного религиозного экстремизма (роль «исламского» фактора в Северокавказском регионе): дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 160 с.
14. Арестов В.Н. Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления: дис. ... канд. филос. наук. – Киев, 1984. – 190 с.
15. Афанасьева Р.М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. – М., 2007. – 200 с.
16. Хоровинников А.А. Экстремизм как социальное явление. (философский анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2007. – 201 с.
17. Дементьев Д.А. Исторический опыт борьбы с этнорелигиозным экстремизмом на Северном Кавказе (1992-2007 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Славянск-на-Кубани, 2008. – 214 с.
18. Пластун В.Н. Деятельность экстремистских сил и организаций в странах Востока (последняя треть XX – начало XIX вв.): дис. ... док. ист. наук. – М., 2003. – 392 с.
19. Сазонов И.А. Природа и исторические формы политического экстремизма (на примере политического развития России в XX веке): дис. ... канд. полит. наук. – М., 2004. – 227 с.
20. Устинов В.В. Обвиняется терроризм. – М., 2002. – 416 с.
21. Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 2008. – 26 с.
22. Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / Отв. ред. Н.А. Лопатенко. – Саратов, 2007. – 160 с.
23. Степанов Н.В. криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 182 с.
24. Сериков А.В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов (на примере Ростовской области): дис. ... канд. социал. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 159 с.
25. The fascist persuasion in radical politest / by A. James Egregor. – Princeton, 1974. – 472 p.
26. Ковалев В.С. Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2003. – 171 с.
27. Демаховская М.Е. Психологические факторы риска экстремистского поведения у подростков: дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2003. – 163 с.

The “Virus of Political Manoeuvring” in Russian Criminal Law System

B. Sidorov

Kazan (Volga Region) Federal University

The paper analyzes the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation from the point of view of criminal policy of Russian government. The author estimates the changes, for instance, liberalization of criminal and criminal procedure legislation that were introduced into Criminal Code and Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a way of humanization of responsibility and punishment for economic crimes and offences. The paper criticizes legislative novelties alongside with changes introduced as a way of anti-corruption and anti-extremism enforcement.

Key words: criminal policy, responsibility, punishment, criminal legislation, economic crimes and offences, forfeiture of property, corruption, bribery, extremism, racial, national, religious extremism.